

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ  
ОЛИЙ ВА ЎРТА МАХСУС ТАЪЛИМ ВАЗИРЛИГИ

MINISTRY OF HIGHER AND SECONDARY SPECIALIZED  
EDUCATION OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

САМАРҚАНД ДАВЛАТ ЧЕТ ТИЛЛАР ИНСТИТУТИ  
SAMARKAND STATE INSTITUTE OF FOREIGN LANGUAGES

КОНФУЦИЙ ИНСТИТУТИ  
CONFICIUS INSTITUTE

**БУЮК ИПАК ЙўлиДА УМУМИНСОНИЙ ВА МИЛЛИЙ  
ҚАДРИЯТЛАР: ТИЛ, ТАЪЛИМ ВА МАДАНИЯТ**

**GLOBAL AND NATIONAL VALUES ALONG GREAT SILK ROAD:  
LANGUAGE, EDUCATION AND CULTURE**

ХАЛҚАРО ИЛМИЙ-АМАЛИЙ КОНФЕРЕНЦИЯ  
МАТЕРИАЛЛАРИ

PROCEEDINGS  
OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE

Самарқанд-Шанхай, 2016  
Samarkand-Shanghai, 2016

“Буюк ипак йўлида умуминсоний ва миллий қадриятлар: тил, таълим ва маданият”  
номли халқаро илмий-амалий конференция материаллари. – Самарқанд: СамДЧТИ нашри,  
2016. 368 бет.

Тўпламда Самарқанд давлат чет тиллар институти ва Шанхай чет тиллар университети ҳамкорлигида ўтказилган “Буюк Ипак Йўлида умуминсоний ва миллий қадриятлар: тил, таълим ва маданият” деб номланган халқаро конференцияда иштирок этган таниқли олимлар, ёш тадқиқотчиларнинг маърузалари жамланган. Ундан ўрин олган маърузалар ўзбек, хитой, инглиз ва рус тилларида бўлгани каби, мавзу доираси ҳам анча кенг ва хилма-хилдир. Хусусан, Буюк ипак йўли мамлакатлари тили ва адабиётининг назарий масалалари, таржимашунослик, маданият ва тарих, таълим-тарбия назарияси, хорижий тиллар ўқитиш методикаси, манбашунослик каби соҳаларга оид долзарб масалалар ёритилган.

Тўплам тил ва адабиёт назарияси, таржимашунослик, маданият ва тарих, таълим-тарбия назариялари, тиллар ўқитиш методикаси, манбашунослик соҳаларида илмий изланиш олиб бораётган мутахассислар, тадқиқотчилар ва магистрларга мўлжалланган.

#### Таҳрир хайъати

Ғ. Ҳ. Раҳимов (раис),  
Ш. С. Ашуров, (раис ўринбосари)  
Ш. С. Сафаров (масъул муҳаррир),  
А.С.Раҳимов (масъул муҳаррир),  
Янг Ли (Шанхай чет тиллар университети)  
Лю Тао (Конфуций Университети),  
Сидхарт Саксена (Буюк Британия),  
Дашдонгдон Баярсайхан, (Мўғилистон),  
Хванг Сунгдон (Корея),  
Акбаров Азамат (Босния)

#### Editorial board

Rakhimov G.Kh (chairman),  
Ashurov Sh. S (chairman),  
Safarov Sh. C. (chief editor)  
Rakhimov A.S. (chief editor)  
Yang Lee (Shanghai University)  
Liu Tao (Confucius Institute)  
Sidkhart Saxena (Great Britain)  
Dashdongdon Bayarsayan (Mongolia)  
Khvang Syngdon (Koreya).  
Akbarov Azamat (Bosniya)

ISBN 978-9943-4396-0-3

*Тўпламдан ўрин олган мақолаларнинг савияси, сифати ва илмий далилларнинг ҳаққонийлиги ҳамда мазмун учун муаллифлар масъулдирлар.*

|                                                                                                                       |     |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <b>Артикбаев О.С. XIX-XX АСР БОШЛАРИДА ТОШКЕНТ ВОҲАСИДАГИ ЎЗБЕК ВА ҚОЗОҚ ХАЛҚЛАРИНИНГ ЭТНОМАДАНИЙ АЛОҚАЛАРИ</b> ..... | 304 |
|-----------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|

#### **4-БЎЛИМ. БУЮК ИПАК ЙўЛИ МАМЛАКАТЛАРИДА ТАЪЛИМ-ТАРБИЯ НАЗАРИЯСИ ВА ХОРИЖИЙ ТИЛЛАР ЎҚИТИШ МЕТОДИКАСИ**

|                                                                                                                               |     |
|-------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------------|-----|
| <b>Жалолов Ж.Ж. ТИЛ ТАЪЛИМИДА АППРОКСИМАЦИЯ ҲОСИНИНГ ЗАМОНАВИЙ ТАЛҚИНИ</b> .....                                              | 307 |
| <b>Йўлдошев Б., Мусаев А. ТАЪЛИМ ТИЗИМИДА ЛИНГВОСИНЕРГЕТИКАНИНГ АҲАМИЯТИГА ДОИР</b> .....                                     | 310 |
| <b>Жаксылыков А., Наурзбаева А. ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В АСПЕКТЕ ТЕНДЕНЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИО-ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ</b> .....           | 314 |
| <b>Махмудова М. ЎЗБЕК ОИЛАСИ ВА УНИНГ ФУНКЦИОНАЛЛИГИ АСОСЛАРИГА ДОИР</b> .....                                                | 319 |
| <b>Щербакова М.В., Чайка Е.Ю. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ОНЛАЙН МАСТЕРСКАЯ БУДУЩЕГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА</b> .....            | 323 |
| <b>Ашуров Ш.С. ИНТЕЛЛЕКТУАЛ САЛОҲИЯТНИ ОШИРИШ – ЗАМОН ТАЛАБИ СИФАТИДА</b> .....                                               | 327 |
| <b>Khvesko T.V., Shestakova V.I. THE ROLE OF PROFESSIONAL COMMUNICATION IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING</b> .....                | 329 |
| <b>Пэнг Ин. ЧЕТ ТИЛИНИ ЎРГАНИШДА МУҲОКАМА МЕТОДИ</b> .....                                                                    | 332 |
| <b>Пэнг Синг Ге. ТАЪЛИМ ЖАРАЁНИДА АХБОРОТ ТЕХНОЛОГИЯЛАРИДАН ФОЙДАЛАНИШ ВА УНИНГ КЕЛАЖАГИ</b> .....                            | 334 |
| <b>Гао Шао Пинг. РУС ТИЛИНИ АМАЛИЙ ЎҚИТИШНИ ТАТБИҚ ЭТИШ</b> .....                                                             | 338 |
| <b>Искандаров Э.А. ХОРИЖИЙ ТИЛЛАРНИ ЎРГАНИШНИНГ ИЖТИМОИЙ ПСИХОЛОГИК ЖИҲАТЛАРИ</b> .....                                       | 342 |
| <b>Норкулов Х., Норкулов А. ТАЪЛИМ ТИЗИМИГА ПЕДАГОГИК ТЕХНОЛОГИЯЛАРНИ ЖОРИЙ ЭТИШ</b> .....                                    | 344 |
| <b>Shermatov A.A. SOME POINTS OF TEACHING ENGLISH FOR NON-LINGUISTIC STUDENTS (on the basis of level B2)</b> .....            | 347 |
| <b>Индиаминов Н.Н., Саматов С.М. МАЛАКА ОШИРИШНИНГ ШАХСГА ЙўНАЛТИРИЛГАН ЭХТИЁЖЛАРГА АСОСЛАНГАН ДИФФЕРЕНЦИАЛ ТИЗИМИ</b> ..     | 351 |
| <b>Сувонова Н.Н., Шукурова Р. А ФРАНЦУЗ ТИЛИНИНГ НАЗАРИЙ ФОНЕТИКАСИНИ ЎҚИТИШ БЎЙИЧА АЙРИМ МУЛОҲАЗАЛАР</b> .....               | 355 |
| <b>Бўриев Х.Қ., Алиев Б.Х. УЗЛУКСИЗ ТАЪЛИМ ТИЗИМИДА ДАРСНИ ТЕХНОЛОГИЯЛИ ЛОЙИҲАЛАШТИРИШ ВА РЕЖАЛАШТИРИШНИНГ АҲАМИЯТИ</b> ..... | 357 |
| <b>Бегматов М.Б. КОММУНИКАТИВ МУЛОҚОТНИ ТАШКИЛ ҚИЛИШДА НЕМИС ТИЛИ ЎҚИТУВЧИСИНИНГ РОЛИ</b> .....                               | 359 |

2. Менглиев Б. Она тили таълими // Маърифат, 2011 йил 19 ноябрь.
3. Менглиев Б., Одилов Ё. Тилшунослик ва тил таълимининг долзарб масалалари // Тил ва адабиёт таълими, 2012. № 12. – Б. 3-5.
4. Индиаминов Н., Ганиев Ф., Бабажанов Б. Таълим-тарбия соҳасида синергетика асосларидан фойдаланиш // Узлуксиз таълим сифат ва самарадорлигини оширишнинг назарий-услубий муаммолари (илмий конференция материаллари, 2012 йил 21-22 ноябрь). – Самарқанд: СамДУ нашри, 2012. – Б. 86-87.
5. Қувондиқов О., Қувондиқов Э. Таълимда синергетика // “Зарафшон” газетаси, 2013 йил 5 сентябрь.
6. Асқаров Б. Маснуъ ва синергетика // “Ўзбекистон адабиёти ва санъати”, 2012 йил 10 февраль.
7. Нурмонов А., Раҳимов А. Лингвосинергетикага кириш. – Тошкент: Академнашр, 2013. – 112 б.

## **ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В АСПЕКТЕ ТЕНДЕНЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИО-ГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ**

**Профессор А. Жаксылыков (Казахский национальный университет),  
Профессор А. Наурзбаева (Казахская национальная консерватория).**

Современная социо-гуманитарная наука переживает противоречивый период, связанный с накопившимися проблемами и внутреннего развития, и общими процессами в интеллектуальной и мировоззренческой сферах. Происходит смена исследовательских ориентаций, которая взаимозависима и параллельно развивается с переосмыслением самого идеала научности.

Не возобновляя разговор о том, как складывалась наука или, знание о Востоке (об этом много написано), все же следует определить некоторые аспекты востоковедения с точки зрения новых тенденций в научной методологии. Подобный взгляд возникает в контексте осмысления коррелятивности методологии гуманитарной науки технологиям новой «парадигмы» современности с ее постнеклассическим состоянием.

Как известно, востоковедение является по преимуществу социо-гуманитарной наукой, также общеизвестным является и то, что методологические трудности в современном гуманитарном познании - это сосуществование трех, так называемых, «идеальных типов» методологии - классической, неклассической и постнеклассической.

Классический тип научного мышления, господствовавший до конца XIX в., сформировал востоковедную науку в основном в пределах историко-филологического познания своего объекта. Тем самым, по преимуществу, язык, история народов Востока в широком спектре гуманитарной науки и ее доминирующих направлений в различных научных школах составляли основу академической востоковедной науки в целом. Классическая мировоззренческая парадигма ориентировала науку на рациональное начало познания с его субъект-объектной дихотомией и принципа бинарной оппозиции. Поэтому научное востоковедение развивалось в рамках этих парадигматических принципов и представляло собой, по сути, ориентальный дискурс западной социо-гуманитарной науки. Именно об этой сущности востоковедения размышлял Эдвард Саид в своей работе «Ориентализм»[1].

В предметном значении субъект-объектные отношения в научном востоковедении конкретизировались в дихотомической парадигме Запад-Восток, т.е. оценка, точка зрения, взгляд и, более того, раскрытие «истины» Востока западной наукой. Предпосылкой исторической науки, опирающейся на идею прогрессивного развития исторического сознания, явилось историческое мышление греков и римлян, основанное на представлении о «законченном типе человека». Этот тип человека влиял на формирование



христианского учения об Адаме и Христе, а также повлиял на «естественную систему» XVII столетия, которая выводила из многообразия культурных форм характерный метод этой системы, который выводил, в свою очередь, «универсальные» право, теологию и мораль, основанные на разумности человека. Из чего, вероятно, должно было следовать, что этот метод рассматривал и сравнивал различные культурные формы в самозамкнутой системе, подгоняя их к собственному образцу, мыслимому как проявление его высшего порядка. В связи с чем, можно предполагать, что и сущность человека в этой системе исторического сознания выводилось из понятия абстрактного человека. Абстрактный человек сформировался из того первичного образца, каковым представлялся человек в античности, а точнее - *человек античности* и затем его преемник – *человек западного типа культуры*.

С начала XX вв. начинается переход к неклассическому типу рациональности: происходит осознание того, что познающий субъект находится внутри предметного мира, составляет его часть, следовательно, его знание субъективно. И, соответственно, научное востоковедение делает попытку в своей методологической базе произвести некую трансформацию в сторону усиления объективации за счет более глубокого «погружения» в предмет субъекта познания. Безусловно, этот шаг в востоковедении имеет свою долю прагматики, но и характеризует некий гуманистический поворот самой этой науки в *реабилитацию «другого»*, т.е. человека незападного типа культуры. В научных методологических практиках эти шаги вылились в компаративные, герменевтические, частично семиотические исследования Востока.

Так называемый «кризис картезианского человека», сущность которого чаще всего сопряжено с понятием «дегуманизация», начиная с конца XIX века, получил огромную мыслительную рефлексию, в чем убеждают нас многочисленные теоретические и философские концепции «завершения, конца». Эсхатологический дискурс, монополизировавший все мыслительные рефлексии, оказался всеядным. Но между тем, здесь же, внутри самой этой эсхатологической рефлексии нарождается попытка найти новую точку отсчета человека, смысла человеческой жизни, которая, возможно, еще не раскрыла своего потенциального значения.

А. Тойнби в своем фундаментальном труде «Постижение истории» высказал вполне симптоматичную мысль о том, что изучение истории, как и всякая социальная деятельность, в любую эпоху и в любом обществе подчиняется господствующим тенденциям определенного времени и места. Эта мысль не первородна, однако, в ней существенным образом отразилась культурно-историческая ситуация XX века, венчающего историческое бытие западного мира. И это характеризуется, прежде всего, кардинальным пересмотром методологии истории и даже признанием не только кризиса историзма, но и конца самой истории. Думается, что в этом сказалась «господствующая тенденция» обнаружения кризиса западной цивилизационной модели мира. «Столь часто обсуждаемый «кризис европейского бытия», проявляющийся в бесчисленных симптомах распада, - не неведомый рок, не судьба с непроницаемым ликом; он открывается пониманию и проявляется на фоне философски выявляемой «телеологии европейской истории», - полагал Э. Гуссерль»[2].

М. Хайдеггер считал, что именно характеристика чего-то как «ценности» лишает достоинства этого оцененного. Всякое оценивание, даже когда оценка позитивна, есть субъективация. Оно предоставляет сущему не быть, а на правах объекта оценивания всего лишь считаться ценностью. Человек начинает жить в мире, утрачивающем священный характер бытия, в мире смещения реального и ирреального, признавая и оценивая профанное как реальное, а к ирреальному относя сакральное. Знаком этой закрытости измерения Священного, пожалуй, может служить преобразование самого смысложизненного вопроса «Быть или не Быть?» в «Иметь или Быть?», что удачно было схвачено и сформулировано Э. Фроммом»[3].

Декларация гуманистических принципов всех существовавших форм демократии еще не подтвердила своим реальным политическим и социальным опытом абсолютное следование этим принципам. Как известно, появление Декларации о правах человека 1789 года вызвало негативную реакцию католической церкви, поскольку она базировалась на рационализации естественной религии, отрицающей Откровение. Декларация также опиралась на индивидуалистическую трактовку человека, тем самым провозглашая новое Евангелие, евангелие человеческого разума. Декларация прав человека, принятая ООН в 1948 году, после завершения второй мировой войны, уроки которой были трагическими для народов, внесла свои коррективы в саму идею о правах человека, и католическая церковь признала это дело как свое, поскольку признала за ней христианскую концепцию человеческой личности.

Существование закона о правах человека – инструкция, которой должен придерживаться тот или иной субъект права. Предписание такого рода говорит о попытках общества решать путем закона противоречия собственно гуманитарного характера. Бытующий взгляд на общество как на систему - в любой форме проявления ее упорядочения - будет выходить за рамки, так или иначе трактуемой системности, т.е. подвергать дискриминации то, что, во-первых, не отвечает требованиям нормы и, во-вторых, не представляет собой ценностно означенную рациональность. И когда западная идея провозглашает в качестве фундаментальной ценности своей культуры уважение человеческого существа как личности и осознание способности его разума к достижению истины, то, вероятно, следует признать за этой ценностью единственно то, что она имеет свою границу распространения, т.е. ограниченное пространство действия и следования ей.

По крайней мере, политический и экономический опыт XX столетия теперь уже XXI века свидетельствует о формализации этой ценности. Декларация ценности – это проявление риторически окрашенной рационализации. К примеру, борьба с терроризмом, исходящая из гуманистической идеи защиты человека и человечества от насилия, ведется также методами насилия. В этой ситуации другие народы, подвергающиеся изощренным методам насилия, как бы перестают рассматриваться как субъекты права: неважно какого, провозглашаемого Декларацией или же принятого в их сообществе.

К. Леви-Стросс видит эту проблему в контексте своего понимания “ложного эволюционизма”, господствующего в сознании современных западных интеллектуалов. Ложный эволюционизм, на его взгляд, безуспешно пытается примирить идею единства человечества и существующие различия и вариативность культурных систем. Он считает, что социальный эволюционизм, предшествовавший биологическому эволюционизму, являясь псевдонаучной маскировкой старой философской проблемы прогресса человека в его стадийном развитии, узаконил этноцентризм, проявляющий себя как варварство и одновременно претендующий на провозглашение идеалов универсальности, применимых ко всему человечеству[4].

Рационализация как принцип социального действия рассматривалась немецким ученым М. Вебером в аспекте ее проявления в западной культуре, где господствующим типом становится “формальная рациональность”, т.е. рациональность как самоцель, для которой характерны калькулируемость и количественное исчисление. Ей присуще целерациональное поведение, вытесняющее не только традиционные формы социальности (культуры), но и само ценностно-рациональное поведение, поскольку общество, в котором господствует эта формальная рациональность, исключает и саму ценность, т.е. ценность становится мерой экономической: превращается в цену или оценку. Формальная рациональность, таким образом, в индустриальном, а затем - в постиндустриальном обществах, становится принципом и мотивацией всех жизненных действий и поступков людей.

Подобной точки зрения придерживался К. Ясперс, считавший, что принцип рациональности, коему следует человек западного мира, был основан на греческой науке, а она “ввела в существование господство техники и счета. А «общезначимое научное



исследование, способность к предвидению правовых решений в рамках формального, созданного Римом права, калькуляция в экономических предприятиях, вплоть до рационализации всей деятельности, в том числе и той, которая в процессе рационализации уничтожается, – все это следствие позиции, безгранично открытой принуждению логической мысли и эмпирической объективности, которые должны быть понятны каждому»[5].

Дискурсу постметафизики присуще вещание неотвратимости конца человека и конца всему, что находится вблизи человека, ибо все сущее телеологично, а значит, имеет свое завершение и смерть. Между тем, эсхатологический дискурс западной метафизики рождается одновременно вместе со своей потаенной и, пожалуй, органически присущей самому этому дискурсу, идеей спасения. Поэтому каждый из тех, кто вещает о какой-либо смерти – смерти Бога, конца истории, завершения метафизики и смерти прочих сущностей - в любом случае и, в конце концов, по-своему, вкрадчиво, но и настойчиво, репрезентирует свою идею (модель) спасения.

Провозглашение конца – уловка утаивания дискурса спасения (моделирования мира), которая, подобно ритуалу жертвоприношения, предлагает изменить порядок вещей и одновременно сохранить его, ибо полное уничтожение сложившегося порядка ведет к небытию того, что понимается как человеческая реальность, т.е. то, как и в чем проявляется и бытийствует человек. Не исполнимо желание преодоления метафизики, сложившейся в языке Запада, ибо для этого потребовалось бы полностью заменить его тем самым «другим», что повлекло бы за собой тотальное изменение привычного порядка вещей и угрозу «экспансии» со стороны этого «другого». Подобная ситуация немыслима для Запада, ибо существующая внутри эсхатологического дискурса идея спасения, несущая в себе функцию самоутверждения, а посему и охраны от «другого», приближает это «другое», заигрывая с ним, но только до границы того порядка, который установлен и живет под властью собственного логоса, а значит - своего телоса и рациональности.

М. Хайдеггер считал, что история должна предстать как история «мира» народа, как «бытие-в-мире», мифологически обоснованное. Выпадение народа из собственной мифологической целостности «бытия-в-мире» ведет его к историческому небытию. Подобное истолкование историзма восстанавливает человека как целостно-личностного субъекта истории, который постигает историчность бытия посредством собственного самопостижения как ответа на вопросы «бытия-в-мире», выраженного в ответственности своего сказания. Тогда историзм - возвращение возможного (или исходного) смысла «бытия-в-мире», что и означает «определяемость человека от жизненного мира, в котором он существует»[6]. Поэтому утверждения о «конце истории» можно понимать как невозможность пребывания в пределах утраченного смысла бытия или же как «выпадение» из собственного «бытия-в-мифе», что говорит о назревшей необходимости «деконструкции» (по формуле Ж. Деррида) западного логоцентризма.

Тем самым, в фокусе внимания современной методологии выступает смысл, понимаемый как бесконечно многообразная, трансформирующаяся и ускользающая реальность, определяющая координаты бытия. Гуманитарно-методологическая рефлексия проблематизирует не столько внешнюю по отношению к человеку реальность, сколько собственную реальность его отношений, проблемы восприятия современных вызовов и принятия прошлого.

Постнеклассическая методология поставила под сомнение принцип универсальности научных истин. Объективным признается то, что признается научным сообществом. Ученый конструирует смыслы, переводя практическое понимание, изначально присущее ему как социальному деятелю, на язык своей науки. Об этом Э. Саид писал следующее: «В сознании американца и европейца понятие «интеллектуал» подразумевает «признанный профессионал», причем в «признании» акцент смещается в сторону властных структур, то есть принято считать, заслуги и цель, к которой должен стремиться интеллектуал, неразрывно связаны с политической игрой – его роль состоит в

том, чтобы формировать и определять политику, создавать общественное мнение. На мой взгляд, интеллектуал, прежде всего, обязан углублять самосознание, осмысливать все изменения и проблемы в жизни общества и брать на себя ответственность за него. Для меня интеллектуал – это не только специалист, поскольку его роль выходит за рамки профессиональных дисциплин. Все мы знаем, что такое профессиональный дискурс. Я имею в виду жаргон, разговор между посвященными, когда всех прочих вынуждают молча слушать, соглашаться и в итоге навязывают свое мнение» [7, 51].

Это красноречиво подтверждает характерную черту постнеклассической методологии - представление о науке как особом социальном действии. Критерием научности становится не истина, а эффективность. Как следствие, приоритеты определяются не столько изнутри самого научного дискурса, сколько целями экономического и даже социально-политического характера.

Стратегии децентрации мира и деконструкции прежней социальной иерархии, провозглашаемые постструктурализмом, создают ситуацию совместимости различных дискурсивных практик и плюралистической картины человеческого мира. Идея детерриториализации, которая характеризуется пространственной фрагментарностью мира, изменяет привычное понимание территории как области распространения власти, территории как владения. Пространство заполнилось множеством дискурсов, «имеющих ровно столько власти, сколько они сами могут порождать» (Ж.-Ф. Лиотар).

Наконец, индивидуальное «Я» человека заменяется коллективным сознанием. Эти качественные характеристики постмодернизма, которые проявляют отчетливо себя в культуре, с одной стороны, дают возможность открыть перспективы новой формы социальности, нового общественного человека, но с другой - создают опасную перспективу поворота вспять, к новым формам тоталитаризма, что, может быть, несет в себе процесс глобализации. Ризоматическая непредсказуемость осознана даже З. Бжезинским - известным специалистом в области политических систем и их прогнозирования, который считает, что сегодняшний мир, подобно самолету на автопилоте, движется со все возрастающей скоростью в неизвестном направлении.

Думается, Ф. Фукуяма предусмотрительно поставил знак вопроса в конце названия своей статьи «Конец истории?». Поскольку перспективы, рисуемые в концепции С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций», проектируют политику перекраивания мира по принципу культурных целостностей. В таком случае мир вновь будет моделироваться в соответствии с известной парадигмой: Запад и незапад. Это, в свою очередь, дает повод сомневаться в искренней открытости «открытого общества». Признание политиками «многополярности мира» может прочитываться в контексте сегодняшних политических процессов, как конкуренция сверхдержав за пространство их политических (экономических) интересов.

В ситуации глобальных экономических, политических, культурно-цивилизационных сдвигов и тектонических разломов, попытки упорядочения собственного мира набирает особую силу актуальности. Процессы глобального масштаба, разнообразно протекая или отзываясь на локальных процессах, обострили вопросы идентичности. Сегодня вновь оказалась востребованной наука, обеспечивающая внятное и обоснованное определение идентичности именно в своем локальном измерении. Это особо чувствительно проявляется в пространстве постсоветского мира. И это имеет свое особое значение для народов, вновь обретших свою независимость и некогда потерявших свои координаты идентичности. Без понимания исторических свершений народа и его многих поколений, историческое существование невозможно. Народ, который истолковывает события своей истории в понятиях собственного «мира», не станет жертвой никакого другого народа и его идей по обустройству мира. Ибо в случае разрушения народного мира, «история» народа прекращается, и он растворяется в другом исторически активном народе.



Безусловно, научное востоковедение не может статусно быть национальным, как и любая наука в целом – это всегда достижение консолидированной работы мысли человечества. Понятие «казахстанское востоковедение» обозначает некий научный опыт в сфере изучения феномена Востока казахстанскими учеными. Сегодня научное востоковедение, как и в целом социо-гуманитарная наука, переориентировало свой акцент с гуманитарной на политико-экономическую сферы. Востоковедение плавно переносится в регионоведческую парадигму измерения современности. В этой парадигме Республика Казахстан является составной частью Центральной Азии, которая, в свою очередь, в большей своей части идентифицируется с Востоком.

Создается некий логический парадокс: существует научное востоковедение, которое для казахстанского ученого-востоковеда, с одной стороны, парадигматически является наукой, изучающей «другого», который, с другой стороны, является в определенной степени им самим. Что есть точка измерения Востока для казахстанского ученого? Вероятнее всего, его включенность в общую систему под названием «Восток», но и определенная позиция своей легитимности, иначе говоря – формирования науки с методологически выверенной платформой, способной осуществить свой прорыв и достижения в изучении «зарубежной Азии». Именно «казахстанское измерение» является сегодня востребованным посылом для формирования научного дискурса по изучению и преподаванию в Казахстане дисциплины «Зарубежная Азия». В этом контексте понятие «Зарубежная Азия» - это уже научный концепт, который четко определяет топос казахстанской науки, способный сформировать новые парадигматические координаты собственной идентичности и перспектив научно-теоретических исследований.

#### Литература

1. Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. – СПб.: Русский Мир, 2006. – 640 с.
2. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия//Культурология. XX век. Антология. – М.: Юрист, 1995. – С.297-330.
3. Фромм Э. Иметь или быть. – М.: «АСТ», 2000. -219 с.
4. Леви-Стросс К. Структурная антропология. Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 512 с.
5. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1994. -527с.
6. Хайдеггер М. Преодоление метафизики.//Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С.177-191.
7. Саид Э. Европа и ее «чужие»: арабская перспектива. – Ричард Керри. Диалоги о Европе. – М., Изд-во «Весь мир», 2002г. – 320с. – 51С.

#### ЎЗБЕК ОИЛАСИ ВА УНИНГ ФУНКЦИОНАЛЛИГИ АСОСЛАРИГА ДОИР

Ф.ф.д., профессор М.Махмудова (СамДЧТИ)

Ўзбек халқи ўзининг қадимий ва бой маданияти, тириҳий ва илмий-маънавий меросига эга. Айнан мана шу миллий ўзига хослик ва маънавий қадриятлар тизимида Ўзбек оиласи деган тушунча ривожланган. Оила–миллий тарбия учоғи сифатида қадрланган.

Ўзбек халқи ҳар вақт оилани асраб келган, оила муқаддас макон сифатида баҳоланган, оилавий қадриятлар тарғиб этилган, ўзбек халқи ўз яшаш тарзида, миллий қадриятлари тизимида оилани мустаҳкамлаш тамойилларига суянган ҳолда ўз фарзандларини тарбиялаган.

Оилапарварлик, оилада фарзандлар тарбияси ва улар келажағи билан давомий шуғулланиш, фарзанд камолотини кўриш миллий қадриятга айланган. Шунингдек, оилада қариндош – уруғлар ўртасидаги муносабатларни мунтазам мустаҳкамлаш, оилавий муносабатларни жуда кенг рағбатлантириш, ҳар вақт оила аъзолари ўртасидаги